

УДК 341.211

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рудницкий С. А.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена определению содержания, смысла и перспектив реализации государственного суверенитета как фундаментальной основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рассмотрены теоретические и практические аспекты конституционно-правового понимания категории «государственный суверенитет», выстроены закономерности и взаимосвязи соотношения государственного суверенитета и национальной безопасности в условиях современных угроз и вызовов объективного и субъективного характера. Сформулированы авторские теоретико-методологические и научно-практические выводы об интерпретации государственного суверенитета в контексте новой Концепции внешней политики России. Классифицированы и систематизированы различные предметные и пространственные измерения государственного суверенитета, которые в совокупности составляют исследуемое понятие как необходимую предпосылку и одновременно главный объект обеспечения национальной безопасности. Акцентируется на исключительности государственного суверенитета для полноценной реализации национальных интересов, рассматриваемых в парадигме приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности публичной власти.

Ключевые слова: государственный суверенитет, национальная безопасность, конституционализм, политический суверенитет, экономический суверенитет, многонациональный народ Российской Федерации.

Для комплексного и целостного понимания категории «государственный суверенитет» в современном конституционализме безусловное теоретико-методологическое и практически-прикладное значение имеет установление взаимосвязи исследуемого понятия с процессом обеспечения национальной безопасности, который необходимо понимать как непосредственную реализацию одной из ключевых функций государства, имманентно ему присущей и отражающей экзистенциальную основу общественного (конституционного) договора, состоящую в стремлении членов общества к сохранению своей внутренней и внешней безопасности, для чего определенный объем личной свободы осознанно передается конституируемому государственному аппарату.

При этом следует отметить, что, на наш взгляд, категории «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» находятся в достаточно осязаемой дихотомии и прямой корреляции, поскольку как реальная возможность юридически иметь и фактически осуществлять суверенные полномочия является обязательным условием обеспечения национальной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов государства и общества, так и надлежащим образом гарантируемая и обеспечиваемая национальная безопасность представляет собой неотъемлемое условие наличия у государства реального суверенитета, отражающего конституционно-правовое признание собственного народа первоисточником власти (внутренний аспект государственного суверенитета) и основанного на универсальном признании суверенного равенства государств как основных субъектов международного права (внешний аспект государственного суверенитета).

На жизненно важном значении государственного суверенитета как неотъемлемого элемента и условия безопасности России и ее граждан совершенно справедливо акцентирует внимание и Президент Российской Федерации В.В. Путин, обоснованно связывая обеспечение государственного суверенитета с экзистенциальным вопросом о принципиальной перспективе существования и нормальной жизнедеятельности самого государства и представляемой им страны [1].

В данном контексте для правильного и точного определения объективных закономерностей соотношения категорий «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» в современном конституционализме, прежде всего, целесообразно выделить теоретико-методологическую основу выделения национальных интересов, состояние достаточной защищенности которых от существующих угроз и вызовов, происходящих как от внутренних, так и от внешних источников, как раз и следует интерпретировать как национальную безопасность суверенного государства.

Раскрывая содержание государственных интересов, в своей совокупности конструирующих конкретное функциональное наполнение суверенных полномочий государства, Ю.А. Тихомиров считает уместным выделять такие интересы только в тех случаях, когда «речь идет о реализации национального суверенитета, национального интереса» [2, с. 5], т.е., иными словами, государственный интерес, которым, помимо прочих, является и обеспечение национальной (государственной) безопасности, по мнению ученого, не может существовать за пределами государственного суверенитета, носителем которого в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, является «её многонациональный народ» [3]. При этом правильным представляется замечание М.С. Матейковича и В.А. Горбунова о том, что в координатах демократических правовых систем государству присуще выражать в своих интересах интересы личности, совокупность которых, в свою очередь, в зависимости от количества их носителей (массовости) образуют коллективные либо общественные интересы [4, с. 65], и именно такой концептуальный подход выражен в ст. 18 Конституции РФ, согласно положению которой именно права и свободы человека и гражданина, представляющие собой безусловные, неоспоримые и постоянные интересы личности (индивидуальные и коллективные) определяют смысл деятельности всех ветвей государственной власти, а также местного самоуправления.

Таким образом, все государственные интересы и реализуемые для их обеспечения суверенные полномочия имеют обязательную детерминацию индивидуальными, коллективными и общественными интересами граждан либо находящихся в данный момент под государственной юрисдикцией индивидов вне зависимости от наличия устойчивой политико-правовой связи с государством, что непосредственно отражает глубокую внутреннюю обусловленность государственного суверенитета национальным и народным суверенитетом, выражающим идею признания народа первичным носителем и источником суверенной легитимности государства как политико-территориальной организации всего общества.

Исходя из приведенных суждений о содержании и смысле государственного суверенитета как повседневной деятельности публичной власти в интересах всего общества, можно поддержать позицию И.М. Ильина, согласно которой «ответственный конституционно-правовой подход к феномену государственного суверенитета, равно как и значению соответствующей научной категории в целом, должен осно-

ываться на положениях текста Конституции Российской Федерации» [5, с. 97], так как государственный суверенитет, помимо прочего, представляет собой еще и одну из важнейших характеристик конституционного строя, без которой невозможно в принципе говорить о конституционализме и правовом государстве, поскольку, как можно умозаключить логически, без признания и гарантирования исключительных суверенных полномочий и прерогатив не может быть речи о государственной форме организации общественной жизнедеятельности вообще.

Основанный на формально-юридическом верховенстве конституционных норм подход к определению содержания государственного суверенитета также позволяет исключить из политико-правовой практики такие в корне неправильные и неконституционные тенденции, как, например, т.н. «парад суверенитетов» в начале 90-х гг., когда, по свидетельству С.М. Шахрая, «республики в составе Российской Федерации принимали в одностороннем порядке декларации о своем государственном суверенитете» [6, с. 244], что противоречило положениям Федеративного договора от 31 марта 1992 г. [7], которыми не признавался государственный суверенитет республик и никоим образом не изменялся их конституционно-правовой статус. Более того, после принятия действующей Конституции РФ договорное разграничение полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации принципиально не может противоречить конституционным нормам, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции она имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России, включая приведенное выше положение об исключительности всего многонационального российского народа как коллективного носителя государственного суверенитета, которое является одной из ключевых основ конституционного строя РФ.

В таком понимании государственный суверенитет позволяет обеспечивать общие интересы всего многонационального народа России, которые, на наш взгляд, вполне оправданно называть национальными интересами, имея ввиду и ту жизненную необходимость их реализации, без которой невозможно полноценное, устойчивое, прогрессивное развитие всего общества в целом, суверенной политико-территориальной организацией которого является именно государство со всей его системой органов публичной власти, наделенными надлежащим объёмом властных (суверенных) полномочий.

Современные толковые словари политико-правового профиля трактуют понятие «безопасность» как состояние, когда нет опасности, т.е., по-иному выражаясь, как определенное состояние, при котором ничто не угрожает кому-либо или чему-либо [8, с. 62] (в контексте нашего исследования – государству, обществу, государственным и общественным интересам). С подобным определением нельзя согласиться в полной мере, ведь при таком подходе рассматривается идеальная ситуация, которая вряд ли может быть достигнута в реальных политических, правовых, социально-экономических, культурно-духовных условиях существования любого современного общества и мира в целом. Скорее всего, в этом контексте следует признать справедливым замечание В.Л. Манилова о том, что содержание категории «безопасность» составляет определенное состояние системы, достигнутое вследствие предотвращения вреда ее развитию (жизнедеятельности) [9, с. 144], причем такое предотвращение должно происходить постоянно, так как и сами угрозы и вызовы безопасности также возникают непрерывно, особенно в современных конфликтных

условиях глобального развития, обусловленных и напрямую провоцируемых деструктивными попытками отдельных западных государств, прежде всего – США, построить однополярную систему односторонней гегемонии в международных отношениях вместо комплексно и системно предусмотренной действующими международно-правовыми принципами и нормами многополярной системы суверенного равенства всех государств планеты, построенной на взаимном уважении и неукоснительном признании законных интересов друг друга.

Так, например, Устав ООН определил как одну из главных целей создания и деятельности ООН объединения усилий международного сообщества для поддержания безопасности [10], а государства-участники ОБСЕ (на тот момент – СБСЕ) в ст. 5 Заключительного (Хельсинского) акта от 1 августа 1975 г. установили такую целеполагающую формулировку: «...воздерживаться от каких-либо действий, которые могут усугубить положение до такой степени, что будет поставлено под угрозу под- держание...безопасности» [11].

Следовательно, на международно-правовом уровне, источники которого создаются в результате равного и компромиссного согласования суверенной политической воли нескольких государств, под безопасностью в широком смысле понимается особое качество правомерных международных отношений, желаемое и комфортное для суверенных субъектов.

При этом, как уже было отмечено, в современном мире состояние безопасности в значительной мере нарушается многочисленными действиями США, их ситуативных союзников и зависимых сателлитов, направленными на подрыв принципа суверенного равенства государств как единственно возможной основы взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества, основанного на международно-правовом понимании государственного суверенитета, международной и национальной безопасности как ключевых ценностей и залога мирного сосуществования в современном мире.

Анализируя создаваемые угрозы государственному суверенитету и безопасности Российской Федерации, продуцируемые значительным конфликтным потенциалом современных международных отношений, можно классифицировать и систематизировать конкретные векторы измерения российского государственного суверенитета, одновременно выступающие и сферами обеспечения национальной безопасности РФ, исходя из методологического признания прямой и непосредственной корреляции (взаимозависимости и взаимной обусловленности) категорий «государственный суверенитет» и «национальная безопасность».

Во-первых, следует выделить политическое измерение государственного суверенитета как совокупность формально-юридических полномочий и, в то же время, обеспеченную необходимыми управленческими, организационными и материально-техническими механизмами реальную способность публичной власти принимать решения, направленные исключительно на достижение общественного блага в соответствии с незыблемой конституционно-правовой максимой о защите прав и свобод человека и гражданина как первичном смысле конституирования самого государства.

При этом политический суверенитет многих государств проходит серьёзные испытания в современных условиях глобализации, последствиями которой стремятся воспользоваться отдельные страны в ущерб другим, которым отводится, в лучшем

случае, роль автоматических исполнителей политической воли безосновательно с юридической точки зрения доминирующих субъектов. В качестве примера подобных неравноправных отношений и системного, умышленного, целенаправленного размывания государственного суверенитета можно привести негативную трансформацию государственности Украины начиная с инициированного и организованного внешними силами государственного переворота 2014 г., вследствие чего произошли разрушение легитимной публичной власти суверенного государства и её подмена марионеточным, целиком зависимым политически и экономически от суверенной воли США, а не от воли украинского народа, режимом.

Подобные политически зависимые режимы создавались США и их ближайшими союзниками неоднократно и ранее (Афганистан, Ирак, Ливия и т.д.), что дает основания рассматривать соответствующие методы внешней политики как permanently присущие стратегическому курсу этих государств.

Естественно, в подобных условиях трансформированного, видоизмененного суверенитета о реальном обеспечении национальной безопасности государств-сателлитов (в зависимости от конкретных обстоятельств, привлеченных т.н. «мягкой силой» либо принужденных непосредственным вооруженным воздействием) не может быть и речи, поскольку категория «национальная безопасность» как состояние защищенности жизненно важных интересов общества (народа) принципиально возможна только в условиях полноценной реализации таким народом своего исключительного конституционно-правового статуса единственного носителя суверенитета и источника власти.

Необходимо отметить, что на уровне программных документов данные трансформации государственного суверенитета в условиях угроз и вызовов, характерных для существующего состояния международных отношений, нашли свое отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 [12].

Согласно п. 8 указанного документа, в современном мире «используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве. Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений» [12].

К процитированному положению можно добавить, что перечисленные действия оказывают крайне негативное воздействие не только на международные отношения, но и на внутренние аспекты национальной безопасности суверенных государств, чей государственный суверенитет выступает как непосредственный объект противоправных посягательств с применением разнообразного скрытого и открытого инструментария.

Важной особенностью принятой Концепции внешней политики РФ является выделение государственного суверенитета в качестве первоочередного национального интереса, требующего защиты от деструктивного иностранного воздействия (п. 15),

т.е., иными словами, обеспечение реального государственного суверенитета признается необходимым условием и главным элементом поддержания национальной безопасности, а в современном мире этот процесс диалектически связан и с процессом поддержания международного мира и безопасности, так как мир состоит из значительного количества суверенных государств, каждое из которых имеет свой комплекс национальных интересов, в равной степени требующих всеобщего уважения и соблюдения.

Другим важнейшим вектором измерения государственного суверенитета является экономический суверенитет, под которым следует понимать обеспеченную практическими механизмами возможность реализации национальных интересов в сфере экономики, включая бюджетно-финансовую самодостаточность государства, достаточное наполнение доходной части государственного бюджета из источников, находящихся внутри национальной экономики, недопустимость критического уровня зависимости от внешних финансовых вливаний, компенсировать которые приходится впоследствии как раз значительной частью государственного суверенитета. В данном случае можно еще раз привести отрицательный пример из новейшей истории Украины, когда, по словам министра финансов Украины С.М. Марченко, основные объемы средств государственной бюджет страны получает извне, при этом было названо три основных донора – США, Европейский Союз (ЕС) и Международный валютный фонд (МВФ). В свою очередь, Президент Украины В.А. Зеленский 25 октября 2022 г. во время очередной видеоконференции обращался с прямым и неприкрытым призывом к Западу покрыть в 2023 г. дефицит государственного бюджета Украины в размере 38 млрд. долл [13]. Таким способом, как представляется, происходит фактическая передача экономического, а вместе с ним – и политического, суверенитета государства, что, очевидно, и является основной задачей, кардинально противоречащей подлинным стратегическим национальным интересам украинского народа, которую последовательно решает действующая украинская власть исключительно в интересах своих т.н. «союзников».

Достаточно близким к экономическому суверенитету является технологический суверенитет, который в нынешнюю эпоху стремительного развития цифровых технологий и внедрения научно-технических инноваций имеет особое значение для реализации полноценного государственного суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности. А.А. Афанасьев понимает под технологическим суверенитетом в системе национальной безопасности (автор рассматривает данное понятие именно в такой постановке проблемы) беспрепятственную реализацию национальных интересов в техносфере, в которую включаются все научно-технические и технологические активы, имеющиеся в распоряжении общества [14, с. 2206]. Технологический суверенитет также может быть реализован только в общем контексте обеспечения национальной безопасности, включая комплексную защиту технологической информации и проектных разработок, принадлежащих российскому государству и отечественным субъектам научно-технической и промышленной деятельности.

В последнее время широко обсуждается также биологический суверенитет как еще одно измерение реального суверенитета государства. В частности, парламентская комиссия Совета Федерации по расследованию деятельности американских биологических лабораторий на Украине констатировала потерю этим государством

своего «биологического суверенитета», а по итогам очередного заседания комиссии было дано поручение главному санитарному врачу РФ сопоставить места расположения лабораторий с эпицентрами эпидемий с целью, кроме прочего, выявить возможные эпидемиологические угрозы, связанные с указанной американской деятельностью на территории Украины [15].

Кроме того, в научных исследованиях и официальных документах выделяются информационный суверенитет [16], экологический суверенитет [17], суверенитет прибрежного государства [18, с. 38], суверенитет воздушного пространства [19] и другие измерения государственного суверенитета (культурно-духовный, правовой, спортивный, миграционный, инвестиционный, цифровой и прочие) в соответствии с предметной либо пространственной сферой распространения. Так, например, говоря о суверенитете прибрежного государства над морскими пространствами, Е.В. Годованик раскрывает категорию «национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане» через конституционно-правовую призму реализации функций современного государства [20].

В целом, в результате проведенного исследования понятия и содержания государственного суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности РФ можно прийти к таким важнейшим выводам: а) категории «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» находятся в прямой корреляции и диалектической взаимосвязи, поскольку реальный государственный суверенитет представляет собой необходимое условие реализации национальных интересов (интересов общества, народа), исходя из конституционно-правовой интерпретации народа как единственного носителя суверенитета и источника публичной власти, а национальная безопасность, в свою очередь является состоянием достаточной защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз и вызовов; б) обеспечение национальной безопасности является одной из ключевых функций современного государства, без реализации которой невозможно обеспечить суверенитет во всех общественно значимых сферах общественных отношений; в) современные угрозы национальной безопасности суверенных государств связаны как с объективными процессами политической и экономической глобализации, так и субъективными действиями отдельных государств (США, их союзники и сателлиты), направленными на разрушение и подмену реального суверенитета других государств, осуществляемого в интересах своих народов, на псевдосуверенную политико-правовую, финансово-экономическую и культурно-духовную модель, обслуживающую исключительно их собственные национальные интересы в ущерб подлинным интересам государств – объектов внешнего «мягкого» либо вооруженного воздействия; г) конституционно-правовая модель государственного суверенитета как необходимого условия обеспечения национальной безопасности отражена в российских концептуально-доктринальных документах с соответствующей комплексной оценкой существующих и потенциальных угроз и вызовов жизненно важным национальным интересам Российской Федерации в современных конфликтных условиях мирового развития.

Список литературы

1. Путин и суверенитет России. URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-i-suverenitet-rossii_137501 (дата обращения: 02.09.2023).
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право: падение и взлеты. Государство и право. 1996. № 1. С. 3-12.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.
4. Матейкович М.С., Горбунов В.А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 256 с.
5. Ильин И.М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика. Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 1. С. 96-106.
6. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.
7. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»).
8. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений. 2-е изд. М., 1999. 361 с.
9. Манилов В.Л. Безопасность в эпоху партнёрства. М: ТЕРРА, 1999. 368 с.
10. Устав ООН от 26.06.1945 г.
URL: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 02.09.2023).
11. Заключительный акт первого саммита глав государств и правительств государств-участников СБСЕ от 1 августа 1975 г.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229.
13. В Киеве надеются получить до конца года от иностранных партнеров почти \$ 8 млрд. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16320545> (дата обращения: 02.09.2023).
14. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России. Вопросы инновационной экономики. 2022. № 4. С. 2193-2212.
15. Лабораториям подбирают возбудителей: парламентская комиссия констатировала потерю Украиной «биологического суверенитета».
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293579> (дата обращения: 04.09.2023).
16. Нарутто С.В., Колмаков С.Ю., Япрынец И.М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства. Образование и право. 2022. № 10. С. 14-22.
17. Борис Грызлов – об экологическом суверенитете России.
URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (дата обращения: 04.09.2023).
18. Международное морское право: публичное и частное: учебник / коллектив авторов; под ред. Д.К. Лабина и В.Н. Коваля. М.: КНОРУС, 2023. 412 с.
19. Мазур А.Н. О воздушном пространстве Российской Федерации. Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2017. № 14. С. 67-71.
20. Годованик Е.В. Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане: правовая характеристика. Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 4. С. 18-29.

Rudnickij S.A. State sovereignty as a basis for ensuring the national security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 47–55.

The article is devoted to determining the content, meaning and prospects for the implementation of state sovereignty as a fundamental basis for ensuring the national security of the Russian Federation. Theoretical and practical aspects of the constitutional and legal understanding of the category of "state sovereignty" are considered, the patterns and relationships of the relationship between state sovereignty and national security are built in the conditions of modern threats and challenges of an objective and subjective nature. The author's theoretical-methodological and scientific-practical conclusions about the interpretation of state sovereignty in the context of the new Concept of Russia's foreign policy are formulated. Various subject and spatial dimensions of state sovereignty are classified and systematized, which together constitute the concept under study as a necessary prerequisite and at the same time the main object of ensuring national security. It focuses on the exclusivity of state sovereignty for the full implementation of national interests, considered in the paradigm of the priority of human and civil rights and freedoms in the activities of public authorities.

Keywords: state sovereignty, national security, constitutionalism, political sovereignty, economic sovereignty, multinational people of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Putin i suverenitet Rossii. URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-i-suverenitet-rossii_137501 (data obrasheniya: 02.09.2023).
2. Tihomirov Ju.A. Publichnoe pravo: padeniye i vzlety. Gosudarstvo i pravo. 1996. № 1. S. 3-12.

3. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabnja 1993 g. s izmenenijami, prinjatymi na Obssherossijskom golosovanii 1 ijulja 2020 g.
4. Matejkovich M.S., Gorbunov V.A. Zakonnye interesy v konstitucionnom prave. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 256 s.
5. Il'in I.M. Suverenitet v doktrine konstitucionalizma: definicija, problematika. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva. 2020. № 2. T. 1. S. 96-106.
6. Shahraj S.M. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata i magistratury. 4-e izd., izm. i dop. M.: Statut, 2017. 624 s.
7. Federativnyj dogovor ot 31 marta 1992 g. «Dogovor o razgranichenii predmetov vedenija i polnomochij mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami vlasti suverennyh respublik v sostave Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Protokolom k Federativnomu dogovoru»).
8. Bezopasnost' Rossii. Pravovye, social'no-jekonomicheskie i nauchno-tehnicheskie aspekty. Slovar' terminov i opredelenij. 2-e izd. M., 1999. 361 s.
9. Manilov V.L. Bezopasnost' v jepohu partnjorstva. M: TERRA, 1999. 368 s.
10. Ustav OON ot 26.06.1945 g.
URL: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm> (data obrashhenija: 02.09.2023).
11. Zakljuchitel'nyj akt pervogo sammita glav gosudarstv i pravitel'stv gosudarstv-uchastnikov SBSE ot 1 avgusta 1975 g.
12. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 31 marta 2023 g. № 229.
13. V Kieve nadejutsja poluchit' do konca goda ot inostrannyh partnerov pochti \$ 8 mlrd. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16320545> (data obrashhenija: 02.09.2023).
14. Afanas'ev A.A. Tehnologicheskij suverenitet: osnovnye napravlenija politiki po ego dostizheniju v sovremennoj Rossii. Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2022. № 4. S. 2193-2212.
15. Laboratorijam podbirajut vzbuditelej: parlamentskaja komissija konstatirovala poterju Ukrainoj «biologicheskogo suvereniteta».
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293579> (data obrashhenija: 04.09.2023).
16. Narutto S.V., Kolmakov S.Ju., Japryncev I.M. Informacionnyj suverenitet: konstitucionno-pravovye osnovy v uslovijah razvitija cifrovogo gosudarstva. Obrazovanie i pravo. 2022. № 10. S. 14-22.
17. Boris Gryzlov – ob jekologicheskom suverenitete Rossii.
URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (data obrashhenija: 04.09.2023).
18. Mezhdunarodnoe morskoe pravo: publicnoe i chastnoe: uchebnik / kollektiv avtorov; pod red. D.K. Labina i V.N. Kovalja. M.: KNORUS, 2023. 412 s.
19. Mazur A.N. O vozdušnom prostranstve Rossijskoj Federacii. Vestnik Essentukskogo instituta upravlenija, biznesa i prava. 2017. № 14. S. 67-71.
20. Godovanik E.V. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v Mirovom okeane: pravovaja karakteristika. Lex Russica (Russkij zakon). 2023. T. 76. № 4. S. 18-29.